

Я некоторое время лежала на бамбуковых циновках, пока не ощутила большое влажное пятно на подушке. Когда я дотронулась до своего лица, я обнаружила слабые следы слез у своих глаз и подняла голову, только чтобы почувствовать раскалывающуюся головную боль. В последние дни мое тело вело себя странно, как будто какая-то внутренняя энергия продолжала проходить через мою грудь. Она была теплой и отказывалась рассеиваться... как если бы пребывая в ловушке, но я всегда чувствовала себя отдохнувшей телом, когда просыпалась, словно бы моя память стала намного лучше.

Каждый раз Фан Хуа улыбался и говорил, что это его лекарство подействовало.

Ерунда...

Его лекарство не могло вылечить даже его самого, так как же оно могло вылечить меня?

Никто из нас никогда не упоминал об инциденте, который произошел в тот день, когда мы варили вино. Печальный, горюющий Фан Хуа, которого я видела в тот день, появлялся только тогда, когда он был пьян. Обычно он имел вид утонченного и красивого ученого. Не думаю, что он был каким-то небесным существом, свободным от желаний, хотя... его единственным недостатком была привычка поить вас своими собственными целебными отварами. Хорошим способом объяснить это было то, что ему нравилось делиться своими страданиями.

Тьфу, что за отношение!

Вспоминая те наши дни, я тогда часто шутила, что Фан Хуа был необразованным, потому что он никогда ничего не читал в свободное время. Он не отвечал на мой выпад, но в свободное время брал медицинскую книгу и начинал ее листать. Даже несмотря на то, что читал именно он... я обнаружила, что могу также декламировать материал наизусть. Меня это удивило, но он совсем не был впечатлен. Он сказал, что у меня был этот навык раньше, так что в этом не было ничего неожиданного. Кажется, он все понимал.

Однако была одна вещь, которую я ему не сказала.

Каждую ночь, когда я закрывала глаза, я чувствовала, как кто-то стоит на коленях у края моей кровати, словно бы тихо читая мне что-то. Перед моими глазами появлялось слово или фраза, обрывками, но также казалось, что они могут быть соединены в предложения, как какой-то род стихотворения или заклинания.

И когда я просыпалась на следующий день, я чувствовала прилив энергии во всем теле. Конечно, иногда у меня болела голова, но после приема лекарства Фан Хуа я снова чувствовала себя лучше, без какого-либо дискомфорта. Эй... действительно ли это лекарство было таким чудодейственным?! Тем не менее, я была озадачена тем, почему такое мощное лекарство не могло вылечить Фан Хуа. Было ли его тело настолько слабым, что ничто не могло ему помочь? Но это выглядело совсем не так. Хотя у него иногда случался кашель и он легко уставал после своих вялых прогулок, он все еще выглядел энергичным. Иногда, когда я пыталась поддерживать его за руку во время прогулок, он смотрел на меня с презрительным видом и закатывал глаза.

Так что наши дни проходили подобным образом. Люди императора никогда не заходили так далеко в своих поисках. Вспоминая свое обещание не покидать Фан Хуа до тех пор, пока его болезнь не пройдет, я поняла, что привыкла заботиться о нем. Теперь трудно было сказать, где было лучше - здесь или во дворце... хотя иногда я думала об императоре. Кто знает,

беспокоился ли он сейчас о том, что я исчезла так надолго, и хотел ли он найти меня или нет?

На крыльце было немного прохладно. Мои руки покоились на бамбуковой скамье, когда я медленно встала, осознав, что у меня на груди дополнительный слой одежды. Это был мужской халат, ткань была мягкой и теплой. Наклонив голову, чтобы принюхать, я уловила характерный запах Фан Хуа на одежде. Мои губы изогнулись в улыбке, после чего я лениво потянулась. Поскольку я только что проснулась, я пока не была уверена, что делать дальше.

Я отключилась на некоторое время, и слова заклинания, которое грезилось мне раньше, внезапно вырвались из глубин моего существа. Нахмутив брови, я сосчитала на пальцах, после чего веревки, удерживающие набор бамбуковых ветряных мельниц, внезапно сорвались с карниза и упали на землю.

Одинокая лампа, покачиваясь на ветру, свисала с карниза.

Потрясенная, я некоторое время смотрела на свои пальцы, после чего ухмыльнулась. У меня не было времени задуматься, откуда взялся этот навык боевых искусств, но я только чувствовала себя чрезвычайно взволнованной. Натянув штаны, я бросилась в комнату, чтобы выудить немного грубой соломенной бумаги, после чего направилась в уборную. Пинком распахнув дверь, я вошла внутрь, развернулась и присела на корточки, завершив серию действий так же плавно, как текущая вода и плывущие облака. Я потерла живот, после чего немного помурлыкала. Когда я встала, мои конечности потянулись и я почувствовала себя свободной от запретов. Все мое тело дрожало, но звук, проникавший в мои уши, менялся от расплывчатого неразличения к чему-то более четкому, и он становился все более и более живым. Были слышны разговоры людей, стрекотание цикад, даже оживленная суeta ночного рынка. Я огляделась вокруг, после чего внезапно шум исчез.

Была ночь, и внутри флигеля все было погружено в кромешную тьму. Лунный свет снаружи был слабым и унылым, но мне казалось, что мое зрение и слух значительно улучшились.

Странно...

Я осталась сидеть на корточках во флигеле, закрыв глаза, чтобы сосредоточиться на некоторое время. Эй! Вот и все, я внезапно услышала кваканье двух лягушек, флиртующих в пруду в 100 ли от дома - и это были самец и самка.

Возможно, я была просто глупа, но до того, как я потеряла память, я никогда не осознавала результатов своих трудов в различных боевых искусствах. Кажется, великие умы созревали медленно, потому что сегодня вечером, кажется, все открылось. Я втайне обрадовалась, когда наклонилась над выгребной ямой. Внезапно раздался звук топота, который привлек мое внимание. Казалось, будто что-то упало с дерева, и я смогла уловить неясный звук того, как кто-то карабкается по стене...

Мои глаза засияли, когда я мгновенно насторожилась. Даже в таком месте, как это, таком удаленном от всего остального, вор карабкался по стенам? Или это был кто-то в тайной любовной связи?! Но этот звук, почему он был так близко, словно бы он был прямо рядом со мной?!

“Проклятие, возьми себя в руки”.

“Слишком хлопотно. Я говорил тебе взять с собой Люэра, у него хорошая техника легкости. Но ты сказал "нет". Поторопись и перелезай, я больше не могу тебя удерживать.”

Я вздрогнула, поняв, что в наш дом на самом деле кто-то забрался. Я была так счастлива! Пробыв здесь все эти дни, я никогда не видела никого другого, кроме Фан Хуа. Не просто тени человека, я даже не чувствовала запаха людей вокруг. Я некоторое время сдерживалась, после чего решила не отпугивать этих воров. В конце концов, должно быть, потребовались усилия, чтобы подняться в горы и найти здесь проход в стене, чтобы взобраться наверх по утесу.

...я не могла их отпугнуть.

Спрятавшись во флигеле, я цеплялась за свое счастье, волнуясь и с тревогой ожидая. Снаружи поднялась настоящая суматоха, прежде чем сквозь жужжание насекомых пробился человеческий голос:

“Ты такой глупый, что можешь умереть”.

“Я знаю только, как отравлять людей, как я должен думать об этих других вещах? Ах, Небеса...”

“Ч...что это?”

“Я не могу... спуститься”.

Наконец, я больше не могла этого выносить и выбежала на улицу, чтобы посмотреть самой. Как только я добралась до внутреннего двора, я увидела тень человека, наполовину застрявшую на стене. Его нынешнее положение было совершенно захватывающим произведением искусства. Как раз в тот момент, когда я была готова пригласить их на чай, тишину двора нарушил тяжелый удар о землю.

Кто-то пинком открыл дверь изнутри.

Фан Хуа вышел из дома и увидел мою одежду в беспорядке. Он покачнулся и принял весьма раскаивающийся вид.

“Там...там люди...” - указала я, опуская на себя одежду. Он поднял бровь в ответ на мои слова и взглянул. Стены давно были совершенно пустынными в темноте. Я оказалась в неловком положении и в конце концов побежала назад, натягивая штаны. Какой позор, какой позор, это было то, что я не смогла бы смыть, даже если бы прыгнула в Желтую Реку. На самом деле, я правда хотела посмотреть, как выглядели воры...

В прошлом мне нравилось участвовать в оживленных мероприятиях во дворце. Даже тогда я никогда не видела вора, только евнухов, натравливающих сверчков друг на друга. Во дворце не было императорских наложниц, так что мне даже не нужно было напрягать голову, чтобы разобраться в соперничестве императорского гарема или интригах. Наконец-то произошло что-то интересное, но потом они убежали.

Удрученная, я вернулась в свою комнату, закрыла дверь и рухнула на кровать, размышляя... Я сбросила туфли и вжалась в одеяло. Окна все еще были открыты, и ветер был немного

прохладным, играя светом лампы, пока она не погасла.

Я лежала на боку на кровати, уставившись на свою руку. Потом я ворочалась с боку на бок, но почти полночи безуспешно пыталась заснуть. Мне приснился сон, что вокруг меня кружат бесчисленные красивые молодые принцы. Кто-то расчесывал мне волосы, кто-то ждал, чтобы одеть меня. Я жила в большом доме, где пятно теплого солнечного света падало на цинь, заставляя его струны сиять глянецом. Внутри дома, в углу стены, висела картина с изображением фигуры, которая выглядела точь-в-точь как Фан Хуа. Кто-то крикнул снаружи, что император приближается, встревожив толпу принцев. Я слышала их теплые голоса и знакомые разговоры, но не могла увидеть их лиц....

Когда я резко проснулась, на улице было уже светло. Я нахмурилась, откидывая одеяло и садясь. Моя рука несколько раз постучала по моей ноющей голове, пока я тупо оглядывала свою пустую комнату.

Бумажный журавлик, который мог летать, пропавший попугай, надпись на жестком шелке, эта странная внутренняя энергия и сцены из моих снов...

Это было похоже на поток горного дождя, обрушившийся на меня. Кажется, это будет еще одна насыщенная событиями осень.

Я сделала глубокий вдох, прежде чем выйти из комнаты, чтобы накачать немного воды. Умывшись и ополоснувшись, я оделась соответствующим образом и пошла по коридорам, пока не остановилась перед комнатой. Закатав рукава, я натянула мантию и пинком распахнула дверь. Фан Хуа лежал на кровати, укрытый одеялом и немного взволнованный.

“Ты выпил свое лекарство?” - спросила я, как обычно.

Он держал книгу в одной руке, прежде чем бросить на меня косой взгляд, и медленно сказал: “Нет”.

“Ты на самом деле ждешь, пока я буду здесь, чтобы прислуживать тебе, какая наглость”. - сказала я, притворяясь сердитой. Он улыбнулся, отложил книгу и сел на край кровати. Я повернулась, чтобы пройти в угол комнаты, где стояла маленькая плита с кастрюлей для приготовления лекарств. Запах лекарств уже был очень сильным, но огонь был не очень большим, как будто он был там для того, чтобы поддерживать тепло.

“Я правда не знаю, что тебе сказать... если бы ты был кем-то другим, мне было бы все равно, принимаешь ли ты свое лекарство. В любом случае, твое тело принадлежит тебе.” - я была зла, но в то же время беспомощна, поэтому только свирепо посмотрела на него. Его глаза изогнулись в еще одной улыбке, хотя она была довольно слабой из-за его бледного цвета лица. Увидев его таким, мое сердце растаяло, и мой тон стал намного мягче: “Каждый раз, когда я ругаю тебя, ты всегда смущаешь меня улыбкой. Если ты не будешь принимать свои лекарства, как тебе станет лучше? Ты просто будешь слабеть день ото дня”.

“Ты говоришь, что если бы это был кто-то другой, ты бы не помогала им пить их лекарство.

Даже если этим человеком был Цзычуань?"

"Конечно." У него было так много придворных дам и слуг, что мне не нужно было ни в чем ему помогать.

Фан Хуа пристально посмотрел на меня, прислонившись к кровати с бледной улыбкой. Он казался очень самодовольным. Заметив мой подозрительный взгляд, он добавил: "Если бы это был я, я бы определенно прислуживал ему".

Ради чего он пытался конкурировать со мной?

Боясь обжечься, я схватила полотенце, чтобы поставить кастрюлю с отваром на стол и налить немного жидкости. Он не взял отвар, а только посмотрел на меня. Я знала этот взгляд... он хотел, чтобы я снова попробовала лекарство.

Хм!

Он действительно считал себя редким типом, ха. Я бросила на него взгляд, прежде чем приподнять мантию, чтобы показать, что я сажусь рядом с ним. Под его пристальным взглядом я поднесла чашу к губам и сделала глоток: "Оно не горячее, так что тебе следует выпить его как можно скорее".

"Тебе следует выпить еще немного этого".

Я подавила желание закатить глаза: "Если ты не можешь его допить, в следующий раз не готовь так много".

Он взял чашу и послушно выпил ее, слегка дрожа ресницами. Его суставы казались почти прозрачными под солнечным светом, шея была светлой и стройной, кожа белой, без каких-либо признаков текущей под ней крови. После всех этих порций лекарств он не только отказывался выздоравливать, но и выглядел все более и более слабым. В черных волосах, ниспадавших водопадом, за несколько дней появились одна или две серебряные пряди.

Я некоторое время смотрела на него, после чего тихо заговорила: "Ты в последнее время чувствуешь себя лучше?"

Он выглядел довольно извиняющимся, когда смущенно улыбнулся: "Это лекарство... даже если я его выпью, нет никакой гарантии, что я выздоровею".

Действительно...

Но когда я пила лекарство, я чувствовала прилив энергии и комфорт, а также становилась намного сильнее, чем раньше. Эта подобная Бессмертному фигура на самом деле имела репутацию своего рода гениального врача. Вы действительно не могли сказать это, просто глядя на него...

Я помню, когда он впервые сказал мне, что мне нужно лечиться, но я проигнорировала его и

вылила все лекарства. В конце концов... он перестал их доставлять. Потом его здоровье ухудшилось, и теперь это я скармливала ему лекарства.

Внезапно что-то вспыхнуло в моей голове, и все расставилось на свои места. Я подумала о чем-то, что уже некоторое время крутилось у меня в голове, но не смогла это принять. Ошеломленная, я устала на мужчину, держащего чашу с лекарством... какая у него была уникальная аура.

“Прекрати пить”. - сказала я хрипло.

Он непонимающе посмотрел на меня.

Я уныло опустила голову, сидя у его кровати, сказав приглушенным голосом: “У меня упрямый характер, как ты знаешь. Во дворце до меня доходили всевозможные слухи о тебе, поэтому, конечно, у меня были опасения. Вот почему, когда ты впервые дал мне лекарство, я слишком боялась попробовать его на вкус, но теперь все по-другому. Если ты приготовил для меня какое-нибудь другое лекарство, то можешь отдать его мне, вместо того чтобы лелеять эту обиду и пить его самостоятельно”.

Его руки задрожали, и он внезапно поперхнулся. Я поспешно схватила полотенце, которое было у меня раньше, но он удержал меня взмахом руки, прикрыв рот рукавом. Его тело непрерывно сотрясалось, когда он кашлял, из-под мантии выглядывал намек на черную одежду. Выражение моего лица изменилось, когда я схватила его за запястье, мое лицо вытянулось: “Что случилось с твоей рукой?”

Он попытался отпрянуть назад.

Я использовала свою силу, чтобы удержать его на месте, призвав на помощь немного истинной ци. Он нахмурил брови, но не мог пошевелиться, когда я приподняла его рукав, прищурив глаза на нефритовую руку внутри...

Взволнованный, он попытался скрыть это, но было слишком поздно. Кожа, которая должна была быть чисто-белой, как снег, была испещрена чем-то похожим на следы от ножа там, где он отрезал куски кожи, оставляя дикий узор из перекрещивающихся шрамов. Там был один шрам размером с медную монету, под которым можно было смутно разглядеть белую кость, как будто он недавно ее порезал. Наша борьба разбредила этот порез, обнажив бледно-красную струйку крови... это наполнило воздух внезапным мягким ароматом лекарств. Как ни странно, кровь текла недолго, после чего она сменила цвет с красного на янтарный...

Между тем, аромат, выпущенный в воздух, пах одновременно сыростью и лекарством, но это был очень близкий и знакомый аромат. Мой язык смочила слюна, и я сразу вспомнила вкус чего-то горького и вяжущего. Этот вкус... разве это не был тот же вкус, что и у наших ежедневных лекарственных отваров? Раньше я могла определить по вкусу все виды лекарственных трав, но никогда те, что были в лекарстве, которое он варил. Так что это на самом деле было приготовлено из его собственной плоти.

Мои губы шевельнулись несколько раз, прежде чем я, наконец, смогла заговорить: “Ты с ума сошел...”

"Шаоэр". - наконец-то он вспомнил, что нужно удержать меня на месте. Это был первый раз, когда он назвал меня по имени, но безутешный, печальный тон, который последовал за этими двумя словами, врезался мне в грудь. Импульсивно я отбросила его руки в сторону. Он, казалось, не понимал, в чем дело, но обессиленно лежал на кровати, в панике смотря на меня. Его грудь вздымалась от тяжелого дыхания, выражение лица было страдальческим, когда его правая рука вцепилась в противоположный рукав. Постепенно белоснежная ткань окрасилась янтарем, а запах лекарств в воздухе становился все сильнее и сильнее.

Мой взгляд медленно пополз вниз, пока я не посмотрела на него и не замерла.

Этот человек... истекал кровью не как обычный человек. Он не был человеком, но то, что он мог быть зверем, было абсолютной правдой. Зверем Фан Хуа.

В его зрачках отразилось мое выражение, смущенное и нерешительное.

Почему я должна была пить его лекарство каждый день?

Почему он обманом заставил меня выпить его кровь и плоть...

Я не знала, что сделала не так. Но я продолжала пятиться, пока мое тело не ударилось о дверь. Он уже наполовину приподнялся, чтобы прислониться к изголовью кровати, его глаза были ясными и бездонными, как осенние лужи. Если взглянуть на них сейчас, они только казались пустыми, и слова, которые вырывались из уголка его рта, казалось, сами плакали кровавыми слезами.

"Неважно, где и когда, ты все еще думаешь о том, чтобы уйти..."

Я не знала, почему он говорит такие вещи, но я могла видеть, как он смеется над собой за этим бледно-белым лицом. В этих глазах не было и следа теплоты. Я медленно закрывала и открывала свои собственные глаза, ошеломленно глядя на него, в то время как его фигура становилась все более и более расплывчатой. Облако истинной ци поднялось вверх, и моя голова, кажется, была готова взорваться.

"Шаоэр".

"...не уходи".

Я вяло прислонилась к двери, прикрыв рот рукой. Мое тело обесилело, и я задрожала, когда мои руки вцепились в ледяное дерево, нащупывая его, пока, наконец, я не нашла дверь и не выбежала наружу. Кажется, я сдерживалась долгое время, но мои шаги были легкими, как ветер, когда я пронеслась мимо густого поля травы. Сосны стояли неподвижно, бамбуковые рощи были густыми, их листья жалили, когда они хлестали меня по коже. Ветер со свистом проносился мимо деревьев, поднимая за собой пыль, пока я бежала с циркулирующей в моей груди истинной ци. Мои ноги оттолкнулись от земли и ступили в воздух, и я взмахнула рукавами, разрезая нефритово-зеленый бамбук...

Шатание взад-вперед в запутанном хаосе бамбука заставило меня отвернуть голову в сторону. От этого пейзажа у меня закружилась голова.

"Если ты согласишься пойти со мной, я буду кормить тебя три раза в день и обещаю, что ты будешь есть досыта."

"Я Зверь, и ты можешь называть меня Фан Хуа, но не называй меня матерью."

"Шаоэр, это мы с Цзычуанем едем во дворец, ты понимаешь?"

Все, что сказал этот человек, каждое выражение его лица и движение, которое он сделал, хлынуло в мою голову подобно приливу. Внезапная, острая боль заставила меня остановиться в воздухе и рухнуть обратно на землю, зажмурив глаза. И все же образ этого человека, его слова и его тень были неизбежными...

"Ты всегда прислушивалась к тому, что я говорил. Ифу надеется, что после того, как ты уйдешь от меня, ты сделаешь себе хорошее имя, живя в цзянху. "

"В цзянху царят свобода и раскованность, неторопливость и беззаботность. Там гораздо веселее, чем в императорском дворце."

"Шаоэр, если ты думаешь, что это того стоит, тогда не возвращайся".

Мое тело ослабло, и я закрыла уши руками, когда рухнула на землю, тщетно вглядываясь затуманенными глазами в пейзаж передо мной.

"Ифу..."

Я вспомнила все. Ты явно был на моей стороне, так почему же ты не признал меня? Как сильно я жаждала услышать, как ты зовешь меня, даже если это было бы всего один раз.

Шаоэр правда больше не нужна тебе?

Болезненные и сладкие, счастливые и печальные - все эти воспоминания захлестнули меня, как наводнение. Моя голова болела так сильно, что, казалось, вот-вот расколется, ход моих мыслей уносился все дальше и дальше. Глубокое чувство горя последовало за моими воспоминаниями и поселилось в моей груди, как будто вонзив свои зубы в мое сердце. Я свернулась калачиком, боль сделала меня слишком измученной, чтобы двигаться, и я медленно закрыла глаза.

Рядом с бамбуковой рощей в воздухе издалека разнесся чистый, жизнерадостный голос.

"Сыэр, ты уверен, что это здесь? В любом случае, насколько полезны твои дрянные амулеты? Ты сложил так много этих бумажных журавликов, но ни один из них не вернулся к нам."